

КРОВНЫЕ УЗЫ:

Принцесса по крови

Золотая лилия

Чары индиго

Пламенное сердце

Серебряные тени

Рубиновое кольцо

РАЙЧЕЛ
МИД

КРОВНЫЕ
УЗЫ

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
М57

Richelle Mead

SILVER SHADOWS
BLOODLINES, BOOK 5

Copyright © 2014 by Richelle Mead

Мид, Райчел.

М57 Кровные узы. Книга 5. Серебряные тени / Райчел Мид; [перевод с английского Т. Л. Черезовой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-203569-2

Родные Сидни не смогли мириться с той жизнью, которую она для себя выбрала. Заключение в секретный центр алхимиков, она пытается связаться с внешним миром... Но безуспешно. Помощи ждать не от кого, и тогда Сидни решает обманом заслужить благосклонность своих тюремщиков, чтобы стать на шаг ближе к свободе. Но сможет ли она заручиться поддержкой других заключенных, если все вокруг считают ее изгоем? Выдержит ли жестокие пытки? Увидит ли снова солнечный свет?

Уже несколько месяцев Адриан не может найти Сидни — магия духа не дотягивается до ее снов. Отчаявшись, он возвращается к родителям в Пенсильванию. Жизнь при дворе отвлекает его от поисков, и Адриан едва не упускает свой единственный шанс найти возлюбленную.

Но все же не упускает.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Черезова Т.Л., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203569-2

1

СИДНИ

Я проснулась в темноте.

В этом не было ничего нового: я просыпалась в темноте уже... вообще-то, я точно не знала, сколько именно дней. Наверное, мое заточение длилось несколько недель, а может, и месяцев. Я потеряла счет времени, находясь в тесной холодной камере, где постелью мне служили шершавые камни. Тюремщики заставляли меня спать и бодрствовать по своему разумению: они использовали какой-то химический препарат, который совершенно меня изматывал. Сперва я была убеждена, что его добавляют в еду или воду, и поэтому устроила голодовку. Мой бунт ничем не закончился — меня просто стали кормить насильно, и этот опыт я, конечно, никогда и ни за что не захотела бы повторить в своей жизни. Да и усыпляющее воздействие препарата никуда не делось. Однако позже я поняла, что его закачивают

в вентиляционную систему, а отказаться от воздуха я, само собой разумеется, не могла.

Забавно, но я питала иллюзию, что способна следить за временем благодаря месячным: так женщины примитивных культур настраивали себя на фазы Луны. Кстати, мои пленители, сторонники чистоты и эффективности, предоставили мне в нужный момент все средства женской гигиены. Однако мой план провалился. Резкое прекращение приема противозачаточных таблеток в момент моего заточения перестроило гормоны и отбросило организм на нерегулярный цикл. Теперь я действительно блуждала в потемках — особенно с учетом странного тюремного расписания. Единственное, в чем я была уверена, — это то, что я не беременна, и данный факт стал для меня громадным облегчением. Если бы мне пришлось беспокоиться о ребенке Адриана, алхимики получили бы надо мной неограниченную власть. Но сейчас в моем теле билось только одно сердце, поэтому я могла выдержать все, что они мне устраивали. Голод, холод. Ничто из вышеперечисленного не имело значения. Я не позволяла им меня сломить.

— Ты размышляла о своих грехах, Сидни?

Стальной женский голос вибрировал в камере и, казалось, исходил отовсюду. Я села, натянув на колени грубую сорочку. Это движение было вызвано исключительно привычкой. Тонкая рубашка без рукавов не могла меня согреть, зато дарила мне психологическое ощущение благопристойности. Мне выделили ее в середине моего пребывания в плену, заявив, что одежда должна символизировать мои будущие благие намерения. Но я думаю, что алхими-

кам просто пришлось не по нутру моя нагота: ведь они убедились, что это не действует на меня так, как они ожидали.

— Я спала, — ответила я, подавляя зевоту. — Некогда было размышлять.

Препарат, распыленный в воздухе, нагонял на меня постоянную дремоту, но иногда тюремщики прибегали к стимуляторам, которые заставляли меня бодрствовать, какой бы измученной я ни была. В результате я никогда не чувствовала себя полностью отдохнувшей, что и являлось целью алихимиков. Психологическую войну лучше всего вести с утомленным разумом.

— Тебе что-нибудь снилось? — спросил голос. — Например, искупление? Не думала ли ты о том, каково это — снова узреть свет?

— Ты прекрасно знаешь, что нет, — огрызнулась я.

Сегодня я оказалась нетипично разговорчивой. Мне постоянно задавали вопросы, но я обычно отмалчивалась.

— Если ты прекратишь пичкать меня успокоительным, мне удастся поспать по-настоящему и я увижу что-нибудь интересное, о чем мы с тобой могли бы поболтать, — добавила я, утаив самое главное.

Нормальный сон без препарата означал, что Адриан отыщет меня в моих сновидениях и поможет мне найти выход из этой дыры.

Адриан.

Лишь одно его имя поддерживало меня на плаву. Мысли о нем — о нашем прошлом и нашем будущем — помогали мне выживать в настоящем. Здесь,

в темноте камеры-одиночки, я часто погружалась в грезы, вспоминая те недолгие месяцы, которые мы провели вместе. Неужели они пролетели настолько быстро? Из всех девятнадцати лет моей жизни то время стало для меня самым ярким и значимым. И сейчас я думала только об Адриане. Я заново пересматривала каждое драгоценное воспоминание, радостные и горестные события, а когда они заканчивались, то начинала фантазировать. Я перебирала в уме всевозможные варианты, самые нелепые «планы побега от действительности», которые мы придумывали сообща.

Адриан.

Благодаря Адриану я все еще жива.

Но именно из-за него я и угодила в тюрьму.

— Ты не нуждаешься в том, чтобы подсознание запутывало твой рассудок, — заявил голос. — Твой разум уже осведомлен о происходящем. Ты отравлена и запятнана. Твоя душа окутана мраком, ты согрешила против себе подобных.

Скучная риторика заставила меня вздохнуть, и я пошевелилась, пытаюсь устроиться поудобнее, хоть на это надежды не было. Мои мышцы целую вечность пребывали в состоянии одеревенения. В таких условиях комфорт вообще недостижим.

— Тебя должна огорчать мысль о том, что ты разбила сердце своему отцу, — продолжал голос.

А вот это что-то новенькое. Тема оказалась настолько неожиданной, что я, не задумываясь, выпалила:

— У моего отца нет сердца.

— Есть, Сидни, есть.

Если я не ошиблась, в голосе зазвучало удовлетворение из-за того, что меня удалось спровоцировать на ответную реакцию.

— Он глубоко сожалеет о твоём падении. Не забудь о том, Сидни, что сначала ты прекрасно проявляла себя в борьбе со злом. Но ты разочаровала отца.

Я передвинулась на несколько сантиметров и оперлась спиной о грубо отесанную стену.

— Теперь он может заняться воспитанием своей гораздо более многообещающей дочери. Наверняка он быстро отвлечется.

— Ты и своей сестре сердце разбила. Они оба расстроены и подавлены твоим поведением — ты и представить себе не можешь, насколько сильно. Почему бы тебе с ними не помириться?

— Ты предлагаешь мне сделку? — настороженно спросила я.

— Сидни, мы предлагаем тебе реальную возможность выхода. Скажи нужные слова, и мы с радостью начнем твой путь к искуплению.

— Значит, моя камера тоже является шагом к искуплению?

— Сидни, поверь нам — тяжелые условия, в конце концов, приведут к тому, что твою душу охватит стремление очиститься.

— Ага! — подхватила я. — Вы отлично справились с задачей. Меня морили голодом, унижали...

— Ты хочешь увидеться со своими близкими, Сидни? Разве не приятно будет посидеть и поговорить, к примеру, с родным отцом?

Я промолчала и принялась размышлять над игрой, которую ведут мои тюремщики. Раньше голос пред-

лагал мне в основном телесные блага: горячую ванну, мягкую постель, хорошую одежду. Меня искушали и другими вознаграждениями, вроде деревянного крестика, который мне сделал Адриан... А иной раз мне сулили еду, которая будет вкусной, питательной и аппетитной — не то что жиденькая каша, с помощью которой во мне еще теплилась жизнь. Последний соблазн даже включал в себя донесшийся до меня однажды аромат кофе... Вероятно, именно родные, которым я столь «дорога», и подсказали тюремщикам, что я обожаю кофе.

Но возможность поговорить с людьми — это и впрямь было заманчиво. Естественно, Зоя и мой отец не стояли в начале списка персонажей, которых я жаждала увидеть, но меня заинтересовал увеличившийся масштаб того, что мне предложили алхимики. Жизнь вне постылой камеры!

— Что я должна делать? — спросила я.

— То, что тебе уже известно, Сидни, — откликнулся голос. — Признай свою вину. Покайся в грехах и скажи, что готова спастись.

У меня едва не вырвалось: «Мне не в чем каяться!» Вот что я отвечала им постоянно — во время каждого допроса. Раз сто, а может, и тысячу. Но мне стало любопытно. Тюремное свидание означало, что алхимикам придется отключить ядовитый газ, верно? А если я избавлюсь от воздействия препарата, то буду видеть сны...

— Я говорю эти слова и вы устраиваете мне встречу с родными? — уточнила я.

В голосе послышались сдержанное раздражение и снисходительность.

— Не сразу, Сидни. Поощрение еще надо заслужить. Но ты перейдешь к следующему этапу исцеления.

— Перевоспитания, — подытожила я.

— Ты говоришь таким тоном, как будто это нечто плохое, — произнес голос. — Мы хотим спасти тебя, Сидни.

— Спасибо, не стоит, — заявила я. — Я начинаю привыкать к своей клетке. Будет жаль ее покинуть.

Я напряглась. Проблема заключалась в том, что с первого момента «сознательного» перевоспитания начинались настоящие пытки. Конечно, физически это было не столь тяжело, как пребывание в камере-одиночке, но направлено все будет на управление моим разумом. Суровые тюремные условия являлись фундаментом, который должен был заставить меня почувствовать себя слабой, беспомощной и податливой. А уж затем алхимики будут стараться на славу и попытаются изменить меня целиком и полностью. В результате после завершения перевоспитания я рассыплюсь перед ними в благодарностях...

Но я не могла отмахнуться от их предложения — ведь в таком случае я буду нормально спать и видеть сны! Я сумею найти контакт с Адрианом и прорвусь еще дальше, как минимум узнаю, что он в порядке... если меня не разрушит перевоспитание. Увы, я могла лишь предполагать, какие психологические приемы тюремщики используют в моем запущенном случае, но стопроцентной уверенности у меня не было. Выдержу ли я новые? Уберегу ли собственный разум или меня настроят против всех моих принципов и против тех, кого я люблю? Вот

в чем заключался риск ухода из камеры. Кроме того, я не сомневалась, что у алхимиков есть препараты и методы, давящие на мозг, и подопытный просто усваивает все, что нужно. Хотя я, пожалуй, защищена от этой опасности, поскольку еще на свободе я регулярно колдовала... но какой-то риск в моем случае все-таки имелся. А еще меня очень беспокоило, что я окажусь уязвимой. Единственный известный мне способ защититься от принуждения заключался в изготовленном мною снадобье. Я успешно применила средство на одном человеке — но не на себе.

Дальнейшие размышления мне пришлось отложить: меня затопила усталость. Видимо, на сей раз разговор был закончен. Я понимала, что сопротивляться бесполезно, и растянулась на полу, отдаваясь во власть вязкого сна, погребаящего мысли о свободе. Но прежде чем препарат меня отключил, я мысленно произнесла любимое имя, используя его в качестве талисмана, дарующего мне силу и надежду.

Адриан!..

Когда я очнулась, то обнаружила в камере еду. Это была обычная овсянка, которая продается в коробках и заливается кипятком. Думаю, в ней содержались витамины и микроэлементы, снабжавшие мой организм небольшим количеством энергии. Однако назвать еду горячей было бы преувеличением: овсянка оказалась чуть-чуть теплой. Вероятно, алхимики решили, что заключенному незачем наслаждаться аппетитными блюдами.

Но, несмотря на всю безвкукусность кашицы, я механически ее хлебала, помня, что мне понадобятся силы, когда я обрету свободу.

«Если я выберусь отсюда».

Предательская мысль возникла прежде, чем я успела ее подавить. Давнишний страх незаметно подтачивал меня изнутри. Меня снедала пугающая вероятность того, что меня будут держать здесь вечно и я никогда не увижу тех, кого люблю: Адриана, Эдди, Джилл... никого из них. И я никогда не буду колдовать. Никогда не прочту ни единой книжки. Вот что причинило мне сегодня особенно сильную боль: хотя мечты об Адриане и скрашивали мое существование, я готова была пойти на убийство, лишь бы получить возможность почитать! Все, что угодно, даже глупый макулатурный романчик! Я бы с радостью проглотила журнал или брошюру — тогда тьма и стальной женский голос были бы мне нипочем.

«Соберись, Сидни, — приказала я себе. — Ради себя. Вытерпи — ради Адриана. И подумай, на что бы он пошел ради тебя?»

Верно! Где бы он ни находился — оставался ли в Палм-Спрингсе или куда-то переехал, — я не сомневалась, что Адриан никогда меня не предаст. Значит, мне необходимо ответить ему тем же. Надо готовиться к тому моменту, когда мы будем вместе, — и надеяться на воссоединение.

«Centrum permanebit». Латинские слова прозвучали у меня в голове, укрепляя меня. В переводе они означали «центр устоит» и были отголоском стихотворения, которое мы с Адрианом однажды прочли

вместе. «Теперь центр — это мы, — подумала я. — И я устою во что бы то ни стало».

Я завершила свою скудную трапезу и попыталась ополоснуться над крохотной раковиной в углу камеры, ощупью найдя место, где она располагалась — как раз рядом с унитазом. Настоящая ванна или душ были исключены (хотя мои тюремщики пытались использовать их как приманку), и я ежедневно (по крайней мере, убеждая себя, что уже наступил день) обтиралась грубым куском ткани, намоченным в ледяной воде, от которой пахло ржавчиной. Какое унижение! Я знала, что алхимики наблюдают за мной через инфракрасные камеры, но тешила себя мыслью, что сохраняю человеческий облик и не растаю грязью. Я не доставлю своим тюремщикам такого удовольствия. Я останусь человеком, хоть именно этот пункт и служил основой для всех обвинений, которые против меня выдвигались.

Приведя себя в относительный порядок, я свернулась у стены калачиком, стуча зубами и дрожа от холода. Моя мокрая кожа еще не высохла. Смогу ли я когда-нибудь согреться?

— Мы побеседовали с твоим отцом и сестрой, Сидни, — внезапно объявил голос. — Они очень переживали из-за того, что ты не пожелала с ними встретиться. Зоя плакала. Ты причинила им боль, Сидни.

Я поморщилась, жалея о том, что подыграла алхимикам. Теперь они вообразили, что тактика с использованием моих родных дала веский результат. С чего они предположили, будто мне захочется сблизиться с людьми, которые меня здесь заперли?

Единственная родня, с которой я хотела бы увидеться, — мама и старшая сестра. Но они наверняка не числились в списке избранных, допущенных к алхимическим тайнам, особенно если мой папа добился своего в процедуре развода. Вот о разрешении этой проблемы мне действительно хотелось бы что-то узнать, но я не собиралась демонстрировать свою слабость.

— Разве ты не сожалеешь о том, что причинила им боль, Сидни? — бубнил голос.

— По-моему, Зое и папе следует сожалеть о той боли, которую они причинили мне, — вырвалось у меня.

— Ты ошибаешься, Сидни, — утешительным тоном произнес голос.

Я промолчала. Теперь мне захотелось дать по физиономии алхимическому начальству, хоть мне и не свойственно прибегать к грубой силе.

— Твои родные поступили так, чтобы помочь тебе, Сидни. Мы все стараемся тебе помочь. Они были бы рады объясниться с тобой.

— Ага, — проворчала я. — Если вы вообще с ними говорили.

Я уже презирала себя. Почему я им подыграла? А сейчас я расплачиваюсь.

Надо полагать, они ликуют.

— Зоя спросила, можно ли принести тебе ванильный латте с обезжиренным молоком, когда она придет тебя навещать. Мы ей, разумеется, разрешили. Мы целиком за цивилизованную встречу: чтобы вы сели и по-настоящему побеседовали. Тогда твои близкие успокоятся, а твоя душа исцелится.